

О. В. Арязмова

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ
В РУССКОЙ НОВЕЙШЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ**

На материале произведений В.С. Маканина и Т.Н. Толстой рассматриваются особенности организации несобственно-прямой речи; прослеживаются динамические процессы, происходящие в современной художественной речи; устанавливается взаимодействие основных структур свободного косвенного дискурса, отражающего специфику «нового типа прозы».

On the basis of V.S. Makanin and T.N. Tolstaya's works, the author examines the organisation of free indirect speech, analyses the dynamic processes peculiar to contemporary fictional speech, and describes the interaction between the basic structures of free indirect discourse, which reflects the features of the "new type of prose".

Ключевые слова: текст, композиционно-речевые структуры, контаминация речевых форм, несобственно-прямая речь, несобственно-авторское повествование, внешняя речь, внутренняя речь, В. Маканин, Т. Толстая.

Key words: text, compositional speech structures, contamination of speech forms, free indirect speech, improperly author's narration, external speech, internal speech.

Активные процессы в современном русском языке [1; 2; 7; 8] получают непосредственное отображение в новейшем русском художественном дискурсе. Н.А. Николина отмечает: «Развитие современного русского языка в последние десятилетия характеризуется рядом процессов, которые наиболее ярко проявляются в лексике и словообразовании, но затрагивают и единицы других языковых уровней. Это прежде всего функциональный динамизм, коллоквиализация, то есть усиление влияния разговорной речи, тенденция к компрессии, которая находит выражение как в активизации усечения, аббревиации, контаминации, так и в обращении к эллипсису, семантическому включению и «сгущению» смыслов, рост числа заимствований и расширение круга несклоняемых слов или компонентов сложных образований и др. Новые тенденции заметны в разных сферах языка, особенно в современной художественной речи» [8, с. 7].

Русской прозе конца XX — начала XXI в. свойственно как проявление новых форм повествования, так и взаимодействие традиционных композиционно-речевых структур. В настоящее время все более активное развитие получают новые темы, ставшие фактами реальной жизни, что ведет к воспроизведению новой российской реальности, за последние десятилетия заметно изменившей свой облик. Соответственно, новые формы повествования стремятся отразить все существенные сдвиги во внутренней и внешней жизни общества.

С. М. Маланова пишет: «Для современных прозаических текстов характерно интенсивное использование несобственно-прямой речи, размывающей границы между различными субъектно-речевыми планами, активизация вставных конструкций, обнажение интертекстуальных связей произведения и включение в текст монтажа цитат. Специфической чертой современных художественных произведений является активное использование языковой игры...» [7, с. 5]. Г. Д. Ахметова выделяют разнообразные языковые процессы, которые находят непосредственное отражение в прозе конца XX — начала XXI в. К их числу относятся различные виды модификации приемов субъективации: появление невыделенной прямой речи, условность грамматического лица, выражение внутренней речи с помощью несобственно-прямой, видоизменение диалога (диалог-повествование) [1, с. 4].

Таким образом, изменения, имеющие место в современном художественном дискурсе, с одной стороны, затрагивают основные композиционные и структурные аспекты построения текста, а с другой, — способствуют модификации средств оформления различных субъектно-речевых структур (как авторской, так и персонажной речи). Например, в произведениях русской прозы активно видоизменяется пространственная и темпоральная организации текста, увеличивается система точек зрения в структуре нарратива, что способствует усложнению перспективы повествования и организации так называемого «несобственно-авторского повествования». По этому поводу Н. А. Николина пишет: «В современных прозаических текстах наметилось функциональное разграничение разных способов оформления чужой речи, связанное с противопоставлением произнесенной / непроизнесенной речи и ее темпоральных характеристик (настоящее — прошлое). Дифференциация этих способов свидетельствует, с одной стороны, об усложнении повествовательной структуры текста, с другой — о стремлении авторов найти специальные средства выделения внутренней речи на общем фоне размывания между планами повествователя и персонажей» [8, с. 271].

На наш взгляд, к модификациям средств оформления чужой речи относятся, например, множественность повествователей, сближение субъектно-речевого плана нарратора и плана персонажа, «размывание» границ между речевыми структурами, усложнение экспликации точек зрения, персонализация повествования и тяготение к внутренней рефлексии и авторефлексии.

Следует отметить, что наиболее характерным способом оформления чужой речи становится ее введение в структуру текста без четкого графического противопоставления речи авторской, т. е. без кавычек и/или без строгого абзацного выделения:

Прораб Руслан хладнокровен. Руслан мне звонит без паники. Он только-только подключился к колонне, чтобы сопровождать грузовики с бензином... Да, да, проблема! Колонну остановили... Еще и гор не видно, а уже проблема! (В. Маканин. «Асан» [5, с. 14]).

Использование чужой речи также может осуществляться только посредством графического выделения ее курсивом в составе предложения или в рамках определенного текстового фрагмента. Этот способ может

быть, например, направлен на воспроизведение внутреннего (мысленного) дискурса персонажа: «Жора и сержант переглянулись. Подброшенная мыслишка пробилась им в головы. Опилки. *Не для сохранения грузов, а для сохранения пацанов*» [5, с. 10].

В современной отечественной прозе отмечается интенсивное использование различных форм несобственно-прямой речи. Наблюдается текстовая контаминация aukториального повествования с повествованием, организованным посредством свободного косвенного дискурса, что влечет за собой речевую интерференцию «голосов». Речевая интерференция сопровождается субъектной транспозицией и включением модальных, эмоционально-экспрессивных и разговорных элементов в структуру повествования:

На опустевших рельсах... На открывшемся пространстве только и толпились они, новоиспеченные солдаты. Никого больше... Они вдруг видят самих себя. Вот мы какие! Нас много!.. А поезд (всего-то два вагона), на котором они прибыли, скромный такой, тотчас куда-то отгрохотал и ушел. <...> Война! (В. Маканин. «Асан» [5, с. 5]).

Композиционно-речевые структуры все больше подвергаются процессу диалогизации персонажного монологического слова. Авторское дистанцирование способствует контаминации субъектных сфер персонажей и взаимопроникновению их субъектно-речевых планов в структуре повествования. При этом различные субъектно-речевые планы объединяются в единое структурно-смысловое и коммуникативное целое, и, таким образом, посредством персонажного «многоголосия» обеспечивается речемыслительная организация текста:

Всего три месяца назад он, этот Анин, страшно возмущался, когда слышал, что должен за доставку и *за вообще* отдать мне каждую десятую бочку. Он не мог понять, кто я. Он вопил в открытую! Как так!.. Кто такой этот майор Жилин! Я эту сволочь выведу на свет... Я в штаб!.. Я к генералам!.. Но вот ведь посмирнел товарищ полковник и поутих. Понял (В. Маканин. «Асан» [5, с. 49]).

В художественном дискурсе конца XX – начала XXI в. несобственно-прямая речь приобретает более выраженную прагматическую направленность. Модус субъекта речи репрезентируется таким образом, что его адресат (читатель или слушатель) непосредственно начинает сопереживать происходящим событиям:

...Когда началась война, первое, о чем он подумал, было: ну, вот оно: вот и сбывается. Но время шло, а он был жив. И каждый день он говорил себе: сегодня обошлось; что будет завтра? А 31-е декабря он встретил на военном аэродроме, ожидая рейса. Теперь он знал, самолет собьют или же он сам упадет. И, напряженно расхаживая взад-вперед по деревянному барраку – зальчику для командированных, – понимая, что это его последние часы на этом свете, горько усмехаясь над судьбой, издевательски назначившей для казни новогоднюю ночь, он стал думать о людях, которые полетят с ним тем же рейсом. За что же их-то? Почему вместе с ним должны погибнуть вот эти парнишки, вот эти отцы семейства, вот этот усатый, ничего не подозреваю-

щий пожилой военный? И он, неверующий, стал просить кого-то — не за себя, а за них. Пожалуйста, пожалуйста, не надо. Пожалуйста, пусть как-нибудь без них. Не трогай их, пожалей, пожалуйста (Т. Толстая. «Ночь Феникса» [10, с. 395]).

Несобственно-прямая речь может прерываться речью автора или сопровождать ее, при этом углубление смысла произведения по линии активизации читательского сознания происходит за счет экспликации точки зрения субъективированного персонажа:

Зверобой пили внаклад с небольшой дозой коричневого расплавленного сахара, в котором огонь разрушил химическую основу, — все беды шли, конечно, от химии; Якушкин, как бы выпрыгивая из передышки, из тихой, в пять минут, паузы, живо и тут же подхватывал. Химия — зло, но химия сама-то откуда?.. В том и боль, что химия проникла, так как человеки, хапая, забывали про совесть... Голос Якушкина вновь набирал рокота и крика — человек, мол, в погоне за благами хапает, жадничая и мельчая индивидуально; люди прощают себе пошлость, а зря. Хапанье, загнанное вглубь и совестью не выявленное, ведет изнутри свою разрушительную, хотя и невидимую, работу — так-то и возникает поторапливание и подхлест в погоне за новыми и новыми благами. Так-то и разгоняется самый простейший наш клеточный материал — возникает рак... Сделанные хапанья вы-то не сочли и забыли, однако же их не забыл изначально совестливый ваш организм — по счету платит, и чем больше оттесняли вы других локтями от общей кормушки, тем более мучительная ждет вас болезнь (В. Маканин. «Предтеча» [6, с. 124]).

В рамках художественного текста активно начинают проявлять себя различные структурные типы нарратива. Так, например, «обезличенное» ауториальное повествование (он, она) может вступать в оппозицию с «персональным повествованием» (я) и/или «коллективным повествованием» (мы):

У нас дома восьмое марта презирали: считали государственным праздником. Государственное — значит принудительно-фальшивое, с дуденьем в духовые инструменты, хождением строем, массовым заполнением карточек, называемых поздравительными открытками. «Желаем успехов в труде!..» Государственное — это когда на тебя кричат, унижают, тыкают в тебя пальцем: стой прямо и не переминайся с ноги на ногу! Это когда все теплое, домашнее, хорошее и уютное вытащено спросонья на мороз, осмеяно, подвергнуто оскорблениям. Государство — это школа, первая примерка тюрьмы. В школе учат дурному и противоречивому. Говорят: «Сам погибай, а товарища выручай», и тут же велят доносить. Говорят: «Надо помогать другу», а списывать запрещают. И на уроках пения поют и поют про каких-то мертвых орлят, пионеров. Партизан, солдат, якобы храбрых мальчишек, заползающих в тыл непроясненному врагу, чтобы там навредить, а так как известно, что мальчишки всегда вредят, что с них взять, — то и поешь с отвращением, по государственной холодной обязанности (Т. Толстая. «Женский день» [10, с. 367]).

Повышенная структурно-семантическая многофокусность и неоднородность субъектно-речевых планов повествования также подвергается различным модификациям. Так, например, в романе «Асан» происходит перспективное смешение внутренних и внешних (экзофазной и эндофазной), смысловых и семантических структур несобственно-прямой речи, что влечет за собой смену позиций, точек зрения на одни и те же события, осуществляемую посредством своеобразных

ментальных переходов с речи внешней на речь внутреннюю. Наиболее характерным приемом становится замена аукториальной несобственно-прямой речи на персональную несобственно-прямую речь. При этом, как правило, преобладают такие формы несобственно-прямой речи, как внутренняя рефлексия и внутренний монолог/диалог:

Я жалел, что взял их на работу. Промах!.. Но и оправдание промаху было — ведь слышал я от врача, что физическая работа лечит контузию... От толкового врача слышал. Физический, мол, труд постепенно меняет лицо контузии. Один недуг уходит — другой проявляется. Исчезает другой — выныривает третий... Таков непростой путь врачевания. Самозаменяющиеся недуги... Так исходят травмы духа (В. Маканин. «Асан» [5, с. 190]).

176

Несобственно-прямая речь может организовываться в структуре нарратива посредством двух разновидностей свободного косвенного дискурса. Первая разновидность представляет собой контаминацию речевых форм, передающих внешнюю и внутреннюю точку зрения персонажей:

Леночка позвонила мужу: приезжай срочно — она нажала на слово и сказала в телефонную трубку *срочно*, хотя с дней тех и посейчас, почти не встречаясь, они находились в вяло текущей соре; даже и ночевал он, вернувшийся из командировки, не дома, а у своей маман. Использовать и потребить его время, лихо домчавшись до психушки на его же машине, было разумно, адрес в руки — и молча, и, конечно, вежливо. Это не обяжет, не станет малым даже их примирением, он довезет, а она бацнет там дверью машины и пойдет к отцу, а он со своим временем и со своей машиной пусть проваливает куда хочет, самолюбивый и положительный, эгоистичный и милый. «Папа, папочка...» — Лена плакала. Она ходила теперь возле флигелька расширяющимися кругами (В. Маканин. «Предтеча» [6, с. 169–170]).

Как справедливо отмечает Н. В. Константинова, «за счет такой организации отдельных предложений и предложений на уровне сверхфразового единства, сопровождающейся сменой фокуса от субъективной информации к объективной, создается эффект взаимопроникновения двух планов — авторского и персонажного» [4, с. 67].

Вторая разновидность характеризуется тем, что полностью направлена на воспроизведение внутренней точки зрения субъекта речи. В этом случае основной функцией приема несобственно-прямой речи становится передача ментального плана героя (героев). Несобственно-прямая речь вербализует неакциональное сознание персонажа посредством воспроизведения двух модусов — рефлексивного и перцептивного; субъектным центром мысленного дискурса становится сам герой-нарратор, который объективирует себя с помощью форм внутренней речи (внутреннего монолога или внутреннего диалога):

Эта высокая трава меня достала! Я даже спросил себя — почему ты, майоришка, такой заводной?.. ты что, крутой?.. Я спросил себя: куда ты лезешь, дерьмо в камуфляже, когда у тебя дома жена и дочка?.. Каждый день ждут... Война отдельно — ты отдельно. Запомни... Ты просто служишь. Ты просто служишь на Кавказе (В. Маканин. «Асан» [5, с. 26]).

Таким образом, в результате взаимодействия двух структур свободного косвенного дискурса — «контаминированной» и «персональной» — в структуре нарратива оформляется так называемое «несобственно-авторское повествование», «в основе которого лежит словоупотребле-

ние персонажа, связанное с последовательным выражением его точки зрения» [9, с. 100], что свидетельствует об активной модификации композиционно-речевых структур отечественной прозы и отражает специфику русского художественного дискурса конца XX — начала XXI в.

Список литературы

1. Ахметова Г.Д. Историко-культурологическое комментирование художественного текста как один из аспектов филологического анализа // Педагог: Наука, технология, практика. 2006. №1–2 (20–21).
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для вузов. М., 2001.
3. Иванова А.В. Субъективация повествования (на материале прозы Владимира Маканина): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Чита, 2008.
4. Константинова Н.В. Синтаксические и пунктуационно-графические средства контаминации речи автора и персонажа // Studia Linguistica XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. СПб., 2008.
5. Маканин В.С. Асан. М., 2008.
6. Маканин В.С. Пойте им тихо: сб. М., 2009.
7. Маланова С.М. Тенденции развития повествовательной структуры современного прозаического текста (на материале русской прозы конца XX — начала XX вв.): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ярославль, 2007.
8. Николина Н.А. Активные процессы в языке современной художественной литературы: монография. М., 2009.
9. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2003.
10. Толстая Т.Н. Река Оккервиль. М., 2002.

Об авторе

Ольга Витальевна Арзымова — канд. филол. наук, доц., Воронежский государственный педагогический университет, e-mail: arzyamovyu@yandex.ru

About author

Dr. Olga V. Arzyamova, Associate Professor, Department of Russian Language, Voronezh State Pedagogical University, e-mail: arzyamovyu@yandex.ru